

Хань, не переживай, я ни к чему не притронусь, нам ведь нужно всего лишь разыграть перед ним спектакль, верно? Видя, как на лице Ханьчэ сменяются самые разные эмоции глубокой привязанности, Се Цзянь почувствовал себя глубоко уязвленным и придумал такой план. В этой жизни ему суждено лишь вот так охранять Ханя, ему никогда не заполучить его по-настоящему. И что толку, если бы он завладел даже телом Ханя? Не добившись его сердца, он считал, что лучше всего навсегда останется для Ханя тихой гаванью.

Цзянь, ты... — Действительно, почему же я сам не додумался разыграть перед Чэнем спектакль? В таком случае я по крайней мере не предам его по-настоящему. Верно говорят: когда дело касается тебя самого, теряешь голову.

Хань, когда бы и где бы то ни было, поверь: я всегда буду твоей лучшей тихой гаванью. Если устанешь или измотаешься, моё плечо всегда к твоим услугам. — О небеса, кто знает, как сильно болело у него от этих слов, какую невыразимую боль он таил в сердце! Но он не мог принуждать Ханя быть с ним. В мире чувств любовь, исходящая лишь от одного человека, в конце концов иссякнет без следа, а то глядишь — в самом конце они и вовсе станут врагами.

Спасибо тебе, Цзянь. — Переживая из-за него, я чувствовал себя страшно виноватым. Я жадно упивался его нежностью, его добротой ко мне, а теперь даже воспользовался его чувствами ко мне. Я и вправду такой подлец! Почему, ну почему я не могу полюбить его? Если бы тем, кого я полюбил, оказался он, всего этого бы не случилось. Только жаль, что чувства — это ни подачка, ни жалость, так что я могу лишь сказать ему прости!

Не смотри на меня так, иначе мне станет горько. — Заметив, что глаза Ханя переполнены раскаянием, Се Цзянь с улыбкой отвел взгляд и произнес шутку, противоположную тому, что творилось у него на душе...

Прости. — Наверное, только не задевая за эту струну, мы сможем по-прежнему улыбаться друг другу, и только не трогая её, наша дружба сможет продлиться долгие годы!

Дзинь... дзинь... дзинь...

Внезапно звонок моего мобильного телефона нарушил недолгую тишину в комнате. Глядя на мерцающий экран, на номер, заставивший моё сердце сжаться от испуга, я тем не менее спокойно отвел вызов и произнес:

— Чэнь!

— Хань, я так соскучился!

— Я тоже, — холодно и безразлично ответил я ему, как вдруг услышал шум голосов рядом с ним — целую гамму звуков — и испуганно спросил: — Чэнь, ты вернулся?

— Да, я вернулся, как раз выхожу из аэропорта, собираюсь сесть в машину и ехать домой!

— ... — О небеса, схватившись от головной боли за лоб, я мысленно застонал. Чэнь вернулся, а мы с Цзянем еще даже не обсудили план действий. Что же теперь делать!

— Хань, я вешаю трубку, будь умницей, жди меня дома! — Ни капли не заметив странностей в поведении Ханя, Аочэнь счастливо засвистел. Стоило ему подумать о том, что дома его ждет любимый человек, которого можно будет заключить в объятия, как он невероятно радовался.

— Чэнь, погоди, — поспешно окликнул я его, не давая сбросить звонок. — Тебе еще долго ехать?

С широкой улыбкой глядя на дорогу впереди, он ответил:

— Примерно около часа. Конечно, если не будет пробок, думаю, получится быстрее. Дорогая, если соскучилась, можешь принять ванну или подождать меня, чтобы искупаться вместе.

— Хорошо. — Чему быть, того не миновать. Уняв тревогу и беспокойство, я слабо улыбнулся и сказал:

— Чэнь, тогда води машину аккуратно, слышишь?

— Ладно, вешаю трубку!

— Пока! — Завершив вызов, я с горькой улыбкой сказал Цзяню: — Чэнь... он вернулся раньше!

— Вот как? — Возвращение Аочэня волновало Се Цзяня меньше всего, куда важнее было то, что делать прямо сейчас. Испытывая горечь в душе, он спросил: — Хань, ты уверен, что хочешь поступить именно так? Что это за дело такое, ради которого тебе обязательно идти на это? Ты ведь явно любишь его, почему же ты...

— Да, я люблю его, поэтому я не могу причинить ему вреда. — Это был единственный ответ, который я мог ему дать, ничего большего я действительно не мог сказать. — Цзянь, не спрашивай меня почему, я всё равно не отвечу. Умоляю тебя, не спрашивай, ладно?

— Хорошо, я не буду спрашивать. Только, что бы ни случилось, обещай мне: ни в коем случае не делай глупостей, договорились? — Больше всего на свете он боялся, что Ханьчэ наложит на себя руки. Любя его, он не желал для него никаких несчастий, поэтому у него не было других просьб, кроме как умолять Ханьчэ чуточку больше любить себя и не совершать безрассудств...

— Глупостей? — А что вообще называют глупостью? Где границы этого понятия? Только я сам решаю, что считать глупостью. С сарказмом улыбнувшись, я ответил: — Не бойся, не сделаю!

Один час, у нас остался всего лишь один час. Не раздумывая больше ни секунды, я сбросил с себя одежду. Пусть мне было немного стыдно, но иного выхода не оставалось. Видя это, Цзянь тоже разделся и двинулся ко мне...

Скрип...

Звук ключа, вставляемого в замочную скважину, — и мы с Цзянем тут же слились в безумном поцелуе. Его руки заскользили по моему телу, а на коже уже успели остаться его следы. Мы перепробовали всё, не хватало лишь самого последнего шага, впрочем, судя по всему, теперь он уже и не требовался...

Глухой стук...

Звук упавшего цветочного горшка вывел нас из оцепенения, прервав погружение в пучину страсти. Точнее сказать, я с самого начала ждал появления этого звука. Я увидел Чэня: он стоял в прихожей бледный как полотно и холодно смотрел на нас. Трудно было представить, что творилось в этот момент в его душе, до меня донесся лишь его голос:

— Хань, как ты мог со мной поступить?

Одевшись, мы с Цзянем молча сидели на диване, прижимаясь друг к другу, и деланно-равнодушным взглядом смотрели на уязвленное красивое лицо Чэня. Сердце пронзила невыносимая боль, с которой не могло сравниться ничто на свете. Очистив горло, я холодно и сдавленно вздохнул:

— Раз ты всё увидел, мне больше нечего сказать. Думай что хочешь и понимай как знаешь, в конце концов, всё так и есть на самом деле!

Слушая столь холодные и жестокие слова Ханя, Чжо Аочэнь чувствовал невыносимую колющую боль в груди. Годы любви пошли прахом, годы стараний обернулись предательством. Сердце болело так, что невозможно было нормально дышать. Внезапно он вскочил на ноги и, неожиданно для всех отвесив Ханю пощечину, взревел:

— Будь ты проклят!

— Прекрати! — Се Цзянь не успел помешать этой пощечине, но сумел остановить последовавшие за ней движения. Отвесив ему в ответ удар кулаком, он холодно произнес: — Во всем виноват только ты сам. Это ты в свое время начал увиваться за Ханем. Если бы не ты тогда, Хань уж точно не поддался бы твоему минутному наваждению. А теперь Хань просто прозрел и понял, кто на самом деле любит его сильнее всех, так что тебе следует уйти с достоинством!

— Уйти с достоинством? — Словно услышав какую-то несусветную глупость, Аочэнь с издевкой

посмотрел на Ханя и потребовал: — Говори, я хочу выслушать тебя, посмотрим, что ты еще скажешь!

— На самом деле мы с Цзянем вместе уже очень давно, — поднявшись и придвинувшись к Цзяню, я с безразличным видом посмотрел на Чэня и медленно высказал то, что было заранее продумано в моей голове. — Уже больше пяти лет. А теперь мне надоело вести двойную игру, поэтому я решил выбрать кого-то одного. Только... твоя сегодняшняя пощечина разрушила наши многолетние крохи чувств, и я понял, что вовсе не люблю тебя. Человек, которого я люблю, — это Цзянь, а ты был лишь испытанием на нашем с ним любовном пути. Я тебя не люблю. — Только представьте, насколько холодным и безжалостным я был в тот момент. Подняв глаза на него, я произнес каждое слово по отдельности: — Ты. Меня. Услышал? Я. Не. Люблю. Тебя. Я. Совсем. Тебя. Не. Люблю!

— ... — Обессиленно рухнув на диван, Аочэнь не мог справиться с обуревавшей его скорбью. Он отдал столько любви, а в ответ получил лишь презрение со стороны Ханя. Как же горько было его падение!

— Думаю, ты расслышал слова Ханя, — обняв Ханя за плечи, Се Цзянь посмотрел на его ссутулившуюся спину сверху вниз и холодно бросил: — А теперь я лишь прошу тебя: больше не приставай к Ханю и не нарывайся на унижения. Иначе пеняй на себя, хм...

Я изо всех сил сжимал кулаки, чтобы не броситься к нему утешать его, и не мог произнести больше ни слова. Мое сердце болело так сильно, что я боялся: стоит мне открыть рот, как хлынут слезы, боялся, что он опомнится и станет допытываться правды, ведь все наши слова были шиты белыми нитками. Я боялся, что не смогу уйти, и подсознательно дернул Цзяня за одежду, покачав головой и давая понять, что пора уводить меня!

Се Цзянь слегка кивнул, с сочувствием успокаивая Ханя. Боль в его глазах, нежелание расставаться — всё это было ему до боли знакомо, ведь он сам много лет назад точно так же отпустил его. Только... он все же смог остаться другом Ханя, а вот... между Ханем и Чжо Аочэнем отныне, пожалуй, все будет даже хуже, чем между чужаками. Обняв Ханя за плечи и приняв на себя всю тяжесть его тела, он бросил взгляд на молчаливого Чжо Аочэня и сказал Ханю:

— Хань, пошли!

— Угу... — Прильнув к его плечу, я мог только отчаянно кивать. Мне хотелось уйти уже давным-давно, сбежать как можно дальше. Переложив всю тяжесть своего тела на Цзяня, я чувствовал, что во мне не осталось больше никаких сил, чтобы гордо выйти из нашего с Чэнем любовного гнездышка...

Добравшись до двери, я невольно украдкой оглянулся на Чэня, испытывая бесконечное чувство вины. Прости, прости меня, пожалуйста, Чэнь. Забудь меня, забудь меня — предателя. Я от всего сердца желаю тебе счастья. В те дни, когда меня не будет рядом, обязательно береги себя и заботься о себе... Если будет следующая жизнь, я хотел бы родиться человеком другого

пола, тогда мы непременно смогли бы быть вместе. Чэнь, прощай навеки, будь счастливым, молю, будь безумно счастлив! Я готов отдать остаток своей жизни в обмен на твое счастье...

Щелк...

Дверь закрылась, мое счастье уплыло от меня далеко-далеко, я собственными руками оттолкнул свою любовь и собственноручно ранил самого дорогого человека.

Оглянувшись в отчаянии, я вспомнил все те дни и ночи, что мы прошли с Чэнем рука об руку за столько лет. Картина за картиной проносились перед моими глазами, каждое слово словно до сих пор эхом звучало в ушах. Какими же счастливыми мы были тогда, я и он...

— Хань, если хочется плакать — плачь, выплачешься — станет легче. — Не в силах смотреть на то, как он из последних сил строит из себя сильного, подал голос Се Цзянь, пытаясь утешить его. Впрочем, ему самому тоже пришлось несладко. Его сердце разрывалось от боли за решение Ханя, отсюда и его сильнейшая злость на Аочэня: раз любил, так должен был как следует оберегать Ханя, почему же он позволил своим родителям обижать его? Хань был таким прекрасным, и в глазах Се Цзяня никто не имел права его обижать. И раз уж Аочэнь не смог должным образом защитить Ханя, тогда... в грядущие дни защищать его будет он, Се Цзянь!

— Спасибо тебе, Цзянь. — Заметив, что двери лифта закрылись, я отстранился от его объятий. Сейчас я уже не мог плакать, слезы могли течь лишь внутрь, в сердце, а всю горечь приходилось глотать в одиночку. С этого момента я больше ни с кем не смогу разделить ни радость, ни печаль! В моем мире отныне погасло солнце...

Выйдя из лифта и покинув жилой комплекс, пока Цзянь отгонял машину со стоянки, я незаметно ускользнул. Я блуждал по заполненной людьми улице, глядя на проходящих мимо людей — на лицах каждого сияли улыбки, искренние или фальшивые, но лишь потому, что они еще были способны улыбаться. А я... я, пожалуй, утратил даже эту способность.

Бредя по улице в полубессознательном состоянии, спотыкаясь и хромая на ходу, в какой-то момент я столкнулся с другой сияющей верной копией самого себя. О нет, то была моя старшая сестра. Признавал я это или нет, но она действительно приходилась мне сестрой. Она поддержала меня, а я растерянно смотрел на нее, глаза в глаза, чувствуя исходящую от нее волну глубокой заботы, и не удержался от слабого бормотания:

— Сестра...

— Мин Ян, что с тобой случилось? — Заметив его бледное лицо, Хэй Минъюэ с беспокойством приложила руку к его лбу и заботливо спросила:

— Я... — Запнувшись, я не знал, как ответить на ее вопрос, и мог лишь дрожаще покачать головой и выдохнуть: — Ничего, я в порядке!

— Почему ты один? — Оглядевшись по сторонам и не обнаружив возлюбленного младшего брата, о котором говорилось в отчете частного сыщика, Хэй Минъюэ слегка нахмурилась и с некоторым неудовольствием произнесла: — А где твой друг? — Слово «друг» подходило для того, чтобы обозначить Аочэня, вполне годилось, она ведь не хотела выражаться слишком прямо!

— Чэнь? — Слегка вздрогнув, я тихо прошептал его имя и, не зная, как ответить на ее вопрос, опустил взгляд, никак не реагируя на расспросы.

Видя, что он хочет что-то сказать, но не решается, и глядя на его невероятно жалобный вид, Хэй Минъюэ помогла ему устроиться в поданный подчиненными автомобиль и успокоила:

— Вы поссорились? Ничего страшного, сестра поможет тебе выпустить пар! — Ее совершенно не волновало, был ли возлюбленный брата мужчиной или женщиной, пока он сам счастлив и улыбается, она поддержит любой его выбор. Только... она не могла стерпеть, если кто-то смел обижать ее брата, так что заставить этого человека расплатиться она обязана, чтобы отомстить за Ханьчэ...

Уткнувшись лицом ей в грудь и впитывая тепло ее тела, я беспомощно всхлипывал, не в силах издать громкий плач, и позволял слезам просто катиться по щекам. В этот миг, ощущая ее рядом, я внезапно почувствовал тепло. Но как долго продлится это тепло? Мгновение? Час? День? Я не смел и думать о будущем, да и не мог его вообразить. Без Чэня у меня не оставалось ни малейшей решимости жить дальше. Что же мне делать? Что мне теперь предпринять?

Мягко поглаживая шелковистые пряди волос Ханя, Хэй Минъюэ нежно прижимала к себе хрупкого юношу, а в ее глазах читалось холодное выражение, сулившее безмолвную поддержку...

□□

— Хань... Хань... Хань...

Выгнав любимый мотоцикл из подземного паркинга наверх и не обнаружив Ханя, Се Цзянь внезапно испугался и заволновался не на шутку. Забыв о том, мешает ли припаркованный как попало транспорт окружающим и грозит ли ему штраф от дорожной полиции, он бросил байк прямо посреди дороги и побежал повсюду разыскивать Ханя...

Он боялся, что Хань упрется рогом. Характер у того был крайне колючим, и даже если перед ним оказывался тупик, Хань шел до самого конца, упорствуя даже тогда, когда точно знал, что сделает себе больно...

— Скажите, вы не видели здесь парня в совершенно потерянном состоянии?

— Извините, вы не встречали молодого человека с этой фотографии?

— Скажите...

— ...

Время шло секунда за секундой, страх в сердце Се Цзяня разрастался до бесконечных масштабов. Он действительно до смерти боялся, что Хань натворит глупостей. Вдруг раздался раскат грома, и на город обрушился внезапный ливень. Не обращая внимания на суетящуюся вокруг толпу, он продолжал бежать вперед, отыскивая хрупкого юношу... Только как бы широко он ни таращил глаза, как бы настойчиво ни расспрашивал прохожих, Хань словно растворился в воздухе...

□□

— Почему? Почему...

В то же самое время Чжо Аочэнь безумствовал в квартире. Глядя на разбитые вещи, в которых не осталось ни единого целого предмета, он прислонился спиной к стене и тяжело, прерывисто дышал. Его кулаки снова и снова со страшной силой колотили по твердой бетонной поверхности, и уже через пару ударов руки покрылись кровавыми пятнами, но он даже не думал останавливаться, продолжая вымещать злость.

Он не понимал, почему всё обернулось именно так. Ведь у них всё было хорошо, почему же всего за два дня Хань стал таким жестоким? Почему... ради чего всё это происходит?

Нет, он не мог вот так просто сдаться. У Ханя наверняка были какие-то скрытые причины, те его слова определенно были ложью! За столько лет Хань еще ни разу не расставался с ним больше чем на три дня, и уж тем более между ним и Се Цзянем не могло ничего произойти. Значит... у Ханя точно были на то причины!

Бац...

Вспышка молнии в небе, сопровождаемая громовым раскатом, прочертила горизонт, а гигантские капли дождя рухнули вниз, вырывая Аочэня из пелены тумана. Он отказывался верить, что Хань мог поступить с ним столь жестоко, и тем более не верил в предательство. Его любовь не сдастся так легко...

Внезапно в его глазах блеснула решимость. Не раздумывая больше ни секунды, Аочэнь бросился сломя голову на улицу — он собирался вернуть Ханя! Даже если между Ханем и Се Цзянем действительно что-то было, ему было наплевать, ему нужно лишь, чтобы Хань находился рядом, всегда был с ним...

Когда Аочэнь выскочил вниз и принялся метаться по улице в поисках силуэта Ханя, Се Цзянь тоже вернулся прежним маршрутом, пытаясь отыскать его. Так два выдающихся мужчины, оба одинаково сильно любившие Ханя, столкнулись нос к носу. В глазах каждого пылали недовольство и ревность по отношению к сопернику, оба холодно смотрели друг на друга, и никакие потоки ливня не заставили бы их отступить...

— Где Хань? Где он? — Первым нарушил молчание Аочэнь, холодно глядя на Се Цзяня и требуя ответа о местонахождении Ханя со злостью, смешанной с ревностью.

— Не твоё дело. — Равным образом негодование и ярость Се Цзяня ничуть не уступали его собственным. Исчезновение Ханя произошло из-за этого самого парня перед ним! Если бы не его назойливые ухаживания тогда, разве стал бы Хань переживать столько боли и горя сегодня? Заполучив Ханя, он даже не утруждался как следует оберегать его. Чжо Аочэнь попросту не был достоин обладать любовью Ханя, и душу Се Цзяня сейчас точно так же разрывало от переполняющей ревности.

Оба излучали готовое вспыхнуть в любую секунду пламя ярости, напоминая раненых зверей. Ни один из них не хотел отступить, каждый жаждал сокрушить соперника...

Хлестал непрекращающийся проливной дождь, но он был не в силах смыть их взаимную ненависть. Они оба ненавидели друг друга за то, что каждый из них владел неизгладимой частичкой чувств Ханя — будь то любовь или дружба, — и ни один из них не был способен вырвать образ другого из сердца Ханя или заставить Ханя выбрать кого-то одного!

Годы ревности, годы ненависти застыли в этом противостоянии. Сегодня, прямо в этот самый миг, им предстояло поставить точку в этой истории.

Неизвестно, кто ударил первым, и неизвестно, кто первым бросил вызов, но в эту дождливую ночь двое видных мужчин ожесточенно избивали друг друга, не щадя сил. Если бы не ливень, многие наверняка остановились бы поглазеть, но сейчас все спешили домой или прятались от непогоды, и кому было дело до того, умрут они или выживут?

Наконец оба выбились из сил и, покрытые шрамами и сплошь в крови, пластом растянулись на совершенно пустой улице, позволяя дождевым каплям стекать по лицам. Аочэнь стер кровь с уголка рта, с трудом поднялся на ноги, бросил взгляд на точно так же израненного Се Цзяня и без колебаний развернулся и ушел!

Он не победил, но и Се Цзянь не выиграл. В этой схватке не было победителей. Если бы таковой и нашёлся, им мог быть только Ханьчэ, ведь он покориł сердца двоих мужчин, которые любили его до безумия, — он и был истинным победителем...

Глядя на бредущую прочь пошатывающуюся фигуру Аочэня, Се Цзянь приоткрыл рот, собираясь окликнуть его, но перед глазами снова всплыло бледное лицо Ханя, и в конце концов он стерпел, после чего тоже развернулся и пошел прочь. Как бы то ни было, сейчас самым важным делом оставалось найти Ханя. Стоит лишь отыскать его, как всё остальное уладится. Но... с одним условием: если удастся его найти. Если же от него не останется и следа, то о разрешении каких-либо недоразумений и речи быть не могло...

□□

— Ну же, Ян, не плачь, расскажи сестре, какая беда с тобой приключилась, и сестра обязательно добьется для тебя справедливости! — Безмолвные слезы Ханя терзали сердце Хэй Минъюэ. Она сочувствовала страданиям младшего брата, жалела его слезы, но если он ничего не говорит, откуда ей узнать первопричину случившегося, не говоря уже о том, как отомстить за него!

— ... — Покачав головой, я прекратил плакать. Какая же ирония: я, взрослый мужчина с умом и честью, сейчас реву словно изнеженная девчонка! Любовь — это яд, она отравляет всех без исключения, и никому не суждено избежать созданного ею призрачного счастья. Пусть даже это сияние длится всего мгновение, люди всё равно летят на него, как мотыльки на огонь...

Машина остановилась, я вышел вслед за ней из роскошного лимузина и, окинув взглядом раскинувшийся передо мной роскошный дворец-особняк, на мгновение замер, задав себе мысленный вопрос: да кто же я такой на самом деле?

— Ян, мы приехали, это наш дом!

— Дом? — Как же сильно я когда-то жаждал обрести дом. А потом повстречал Чэня, и у нас появился свой собственный уголок, то был наш с ним дом... но увы, теперь от него ничего не осталось. А теперь у меня появился еще один дом, только сколько просуществует эта обитель?

<http://bllate.org/book/21153/2144347>